Прот. Е. П. Аквилоновъ.

BR
85

Мысли

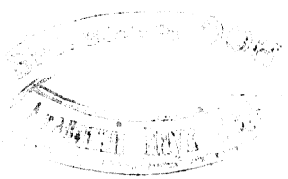
о. Іоанна Кронштадтскаго

о

воспитательномъ значеніи слова Божія.

Рѣчь въ „Русскомъ Собраніи", произнесенная 2 февраля 1909 г., по случаю 40 дня послѣ кончины пастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8.
1909.

045
37

I.

Чрезвычайно рѣдко, даже, и выдающіяся личности такъ скоро озаряются такимъ необыкновенно свѣтлымъ ореоломъ величія и славы, въ какомъ является предъ нами въ Бозѣ почившій кронштадтскій пастырь. Всего только сорокъ дней протекли со времени его блаженной кончины,—и что же? За этотъ, болѣе, чѣмъ короткій, срокъ, предъ еще заплаканными взорами всего православнаго міра, чрезвычайно-симпатичный обликъ досточтимаго о. Іоанна уже начинаетъ проявляться съ характерными очертаніями, свойственными «первенцамъ» торжествующей Церкви (Евр. 13, 23). Подлинно, «память праведныхъ съ похвалами» (Прит. 10, 7), особенно въ наши «лукавые дни» (Еф. 5, 16) крайняго «оскудѣнія преподобныхъ» (Пс. 11, 1) и ужасающаго разлитія доселѣ неслыханныхъ пороковъ и вся-

Значеніе сокращенныхъ цитатъ: Сл. 1907,20=Полное собраніе сочиненій Настоятеля Кронштадтскаго Андреевскаго Собора, протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Новыя слова. Кронштадтъ, 1907 г., стр. 20.—Мысли о церкви=Мысли о церкви и о православномъ богослуженіи. С.-Петербургъ, 1905, т. III.—Моя жизнь=Моя жизнь во Христѣ. СПБ. 1905, т. I. Соз. подв.=Созерцательное подвижничество. Выписки изъ дневника за 1906—1907 г. СПБ. 1907.

кихъ злодѣяній. Драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ—человѣческая жизнь,—даже и она потеряла свою былую прелесть, почему многіе, отчаявшись въ достиженіи лучшей участи, рѣшаются на послѣдній исходъ—самоубійство.

Только для близорукихъ не очевидно, что мы переживаемъ ужасную критическую эпоху, подобную той, которая непосредственно предшествовала появленію въ мірѣ христіанства. Извѣрившіеся въ себѣ самихъ и въ естественныхъ средствахъ спасенія, люди, въ такомъ случаѣ, начинаютъ осматриваться вокругъ себя,—не увидятъ ли гдѣ нибудь посланника Божьяго, и не преподастъ ли онъ имъ духовнаго врачеванія и утѣхи?

«Что́ намъ дѣлать?»—спрашивалъ нѣкогда народъ всякаго званія и состоянія у крестителя Іоанна (Лк. 3, 10), и послѣдній то громомъ обличенія, то благими совѣтами отвѣчалъ на отчаянные вопли. Подобное происходившему на іорданскихъ берегахъ переживается нами и теперь, но только на берегахъ финскихъ. Сколько тысячъ людей съ такимъ же вопросомъ: «что́ дѣлать намъ?» обращалось къ нашему о. Іоанну въ продолженіе его полувѣкового священнослуженія, и какія тьмы ихъ потянулись къ его еще свѣжей могилѣ! Да и настоящее собраніе не потому ли такъ необыкновенно многочисленно и не потому ли такъ оживленно прислушивается къ рѣчамъ объ о. Іоаннѣ, что жаждетъ услышать отъ почившаго, изъ его вдохновенныхъ твореній,

слова мира и утѣшенія въ своихъ тревожныхъ думахъ и въ тяжелыхъ испытаніяхъ? Психологически это вполнѣ понятно: вѣдь онъ такъ еще недавно, какъ бы «вчерашній день, бесѣдовалъ съ нами», вѣдь онъ—сынъ нашего вѣка, «былъ намъ подобострастенъ» (Іак. 5, 17), — и, вотъ, народнымъ голосомъ уже «причисленъ къ сынамъ Божіимъ, и жребій его со святыми» (Прем. 5, 5)! Понятно и по существу дѣла, ибо приснопамятный пастырь «право правилъ слово» Христовой «истины».

Не задаваясь недостижимою, по недостатку времени, цѣлью—изложить полностью ученіе о. Іоанна объ устроеніи христіанской жизни, ограничимся приведеніемъ на память только нѣкоторыхъ, наиболѣе цѣнныхъ, его мыслей *о воспитательномъ значеніи слова Божія.*

Въ настоящее время особенно необходимо говорить объ этомъ первостепенной важности предметѣ. Гордый своими открытіями и завоеваніями въ разнообразныхъ областяхъ знанія, современный человѣкъ слишкомъ высоко «воздвигъ главу» свою (Пс. 82, 2) и сталъ высокомѣрно смотрѣть на благодатныя средства спасенія. Рабски преклоняясь предъ ошибочными словами многочисленныхъ лжеучителей, онъ дошелъ чуть не до полнаго забвенія объ «единомъ Учителѣ—Христѣ» (Мо. 23, 8). Мало того, вотъ уже нѣсколько лѣтъ продолжается усиленная аттака противъ православной Церкви. Съ крайнимъ озлобленіемъ современные невѣры и особенно фанатическіе іуден приня-

лись за позорное дѣло—развѣнчать Христа въ его богочеловѣческомъ достоинствѣ (подробности указаны въ нашей брош.: «Іудейскій вопросъ». СПБ., 1907). Книжный рынокъ наводненъ произведеніями отрицательной литературы, въ сопутствіи самой циничеcкой порнографіи.

И вотъ, въ то время, какъ книжныя полки обвисли отъ неподвижно лежащихъ на нихъ серьезныхъ сочиненій,—пропитанныя насквозь всякою мерзостью безнравственныя произведенія покупаются нарасхватъ и взрослыми, и малыми. Убійственнымъ ядомъ заражаются цѣлыя поколѣнія, загубляются молодыя души, и, подобно вулканической лавѣ, по лицу русской земли разливаются атеистическія, нигилистическія и развратныя ученія, гибельные плоды которыхъ—небывалая прежде распущенность учащихся, неповиненіе начальству, попраніе божескихъ и человѣческихъ законовъ, непочитаніе родителей, поразительный упадокъ цѣломудрія и нравственности, душевное одичаніе и огрубѣніе, а въ низшихъ слояхъ общества къ этому еще присоединились пьянство, убійства, безпорядки, забастовки и крайнее экономическое обнищаніе.

Таковы плоды «гнилого слова» человѣческаго, которое, если ему не противодѣйствовать, удесятеритъ ихъ, и «будутъ послѣдняя горша первыхъ» (Мѳ. 12, 45). Могучимъ противоядіемъ современнымъ лжеученіямъ служитъ слово Божіе, св. библія. Оно служитъ «неис-

тоцимымъ сокровищемъ для людей"; пользуясь ею, они „входятъ въ содружество съ Богомъ, посредствомъ даровъ ученія» (Прем. 7, 14).

Говоря о воспитательномъ значеніи библіи, мы не ограничиваемъ сферы ея воздѣйствія только однимъ молодымъ поколѣніемъ. Какъ православная Церковь предназначена для *всѣхъ* возрастовъ, такъ и слово Божіе воспитываетъ не однихъ только малолѣтнихъ, но и взрослыхъ—отъ колыбели до смертнаго часа. Всѣ мы, отъ мала до велика,—овцы единаго Пастыря, идущія за Нимъ къ вѣчнымъ пажитямъ (Іоан. 10, 5. 10). И еще кто знаетъ: взрослые ли нуждаются болѣе въ христіанскомъ воспитаніи, или дѣти, являющіяся предметомъ воспитанія со стороны взрослыхъ? А если послушать псалмопѣвца, то онъ ублажаетъ не младенца и не юношу, а «*мужа*», «поучающагося день и ночь въ законѣ» Господнемъ (Пс. 1, 1. 2). Такимъ, именно, „мужемъ" былъ и досточтимый о. Іоаннъ. «Измлада» воспитанный на словѣ Божіемъ (2 Тим. 3, 15), онъ въ продолженіе цѣлой жизни своей поучался ему день и ночь, немолчно возвѣщалъ его своимъ слушателямъ и осуществлялъ его дѣлами вѣры и милосердія. Вотъ почему оно сдѣлалось для о. Іоанна неистощимою сокровищницею его религіозныхъ мыслей и высокихъ вдохновеній и было дорого ему «паче тысящъ злата и сребра» (Пс. 118, 72).

«Наша спасительная и богооткровенная *вѣра*», по словамъ кронштадтскаго пастыря, «из-

ложена въ писаніяхъ такъ точно въ существѣ и подробностяхъ, что нельзя ни прибавить что́ либо къ существу истины, ни убавить безъ вреда для нашего спасенія» (Слов. 1907, 27). «Простые и интеллигенты! разумѣйте, что́ говоритъ слово Божіе. Въ немъ никогда не было ни одного празднаго слова» (ib., 107).

Поэтому должно отбросить въ сторону всякія сомнѣнія въ боговдохновенности библіи. «Когда усумнишься въ истинѣ какого-либо лица или событія, описываемаго въ Св. Писанія, тогда вспомни, что все Св. Писаніе боговдохновенно есть, значитъ, истинно, и въ немъ нѣтъ вымышленныхъ лицъ, басней и сказокъ. *Все слово Божіе есть единая истина, цѣлостная, нераздѣльная;* и если ты признаешь за ложь одно какое-л. сказаніе, изреченіе, слово, —ты погрѣшишь противъ истины всего Св. Писанія» («Моя ж.» 1, 102), подобно тому, какъ «соблюдающій весь законъ и согрѣшающій въ чемъ нибудь одномъ», по ученію св. ап. Іакова, «становится виновнымъ во всемъ» (Іак. 2. 10).

Самъ всегда необыкновенно живой и вдохновенный, о. Іоаннъ хочетъ и въ духовныхъ руководителяхъ видѣть самоотверженныхъ дѣятелей и обращается къ нимъ съ такимъ пламеннымъ увѣщаніемъ: «*Духа не угашайте*», говоритъ слово Божіе (I Сол. 5,19). «*Помни это всякій христіанинъ, особенно священникъ и наставникъ дѣтей.* Нужно всегда горѣть духомъ при нашемъ высокомъ служеніи Богу и чело-

вѣчеству. Какъ много сдѣлали бы мы для Бога, для людей и для себя, если бы съ вѣрою и любовію, съ усердіемъ, съ горячностью и энергіей занимались своимъ дѣломъ!» («Моя ж.» I, 148).

«Велико и существенно-важно исполняемое» воспитателями «дѣло. Но для того, чтобы оно было во всемъ благоуспѣшно, — должно утверждаться на вѣрѣ во Христа, *имѣть въ основѣ своей Его божественное ученіе* и совершаться подъ покровомъ и водительствомъ св. Церкви. Пусть, поэтому, божественное ученіе Спасителя, преподаваемое въ Законѣ Божіемъ, будетъ стоять во главѣ всѣхъ вашихъ уроковъ не по имени только, а и дѣйствительно, на самомъ дѣлѣ. Только тогда вы станете вѣрными слугами Царя и Отечества. Вѣрою во Христа живите и будьте истинными чадами православной Церкви» (Сл. 1899, 71—72).

Исходя изъ догмата о грѣхопаденіи, повредившемъ умъ, волю и сердце человѣка, о. Іоаннъ справедливо указываетъ на необходимость для каждаго изъ насъ—«*воспитывать въ себѣ полнаго человѣка*, а не частичнаго, т. е., просвѣщать, образовывать и совершенствовать всѣ три силы души; разумъ, сердце и волю, а не одинъ только разумъ—стихійнымъ просвѣщеніемъ и образованіемъ» (Сл. 1899, 18).

Наилучшимъ средствомъ къ воспитанію *цѣльной* человѣческой личности служитъ слово Божіе, потому что «*книги ветхаго и новаго завѣта—самая достовѣрная истина и первое не-*

обходимое основное знаніе для духовной жизни христіанина, а потому съ нихъ и начинается обученіе дѣтей всякаго званія и состоянія, и самихъ царскихъ дѣтей» (Отвѣтъ пастыря Церкви Л. Толстому, см. Сл. 1903, 152). «Мы всѣ съ дѣтства знаемъ исторію ветхаго и новаго завѣта и получили отъ изученія ихъ самое всеоживляющее спасительное знаніе и высокое религіозное наслажденіе» (ib. 133).

Къ глубокому сожалѣнію (разсматривающаго преподаваемые дѣтямъ предметы) проповѣдника, «*въ учебныхъ заведеніяхъ наукѣ о Богѣ даютъ мало мѣста*; почти все время предоставлено внѣшнимъ наукамъ. Подкапывающее жизнь тысячелѣтняго Древа—Россіи *зло происходитъ отъ того, что семейная жизнь у многихъ совершенно утратила христіанскій характеръ*, проходитъ безъ молитвы, безъ креста, *безъ чтенія Евангелія*. Отсюда крайняя распатанность общественныхъ нравовъ и иногда, на виду дѣтей, безнравственная жизнь родителей, а отсюда—неуваженіе и неповиновеніе дѣтей, или крайняя скорбь и растерянность ихъ, не знающихъ, гдѣ приклонить голову; отсюда и погоня за легкимъ пріобрѣтеніемъ, недобросовѣстность, вѣроломство, обманы, умноженіе болѣзней, внезапныя смерти» (Сл. 1902, 79. 80).

«Къ вамъ, любезныя дѣти, обращаюсь съ моимъ словомъ: растите и зрѣйте во благодати Божіей и, „яко новорождени младенцы словесное и нелестное млеко возлюбите, яко да о немъ возрастете во спасеніе“» (I Петр.

2, 2).—«*Какое словесное, не прелестное, т. е., не прельщающее, но приносящее здравіе и крѣпость душѣ молоко? Это—особенно Божіе слово, Евангеліе, Божій Законъ*, основаніе всякаго благополучія человѣческаго временнаго и вѣчнаго; а затѣмъ и прочія полезныя науки, образующія вашъ умъ и доставляющія вамъ полезныя и пріятныя свѣдѣнія. Полюбите ихъ. Всего больше позаботьтесь о стяжаніи, или о поддержаніи дѣтской чистоты сердца, ибо „чистіи сердцемъ Бога узрятъ“» (Сл. 1896, стр. 300).

Разсуждая о превосходствѣ «живой воды» (Іоа, 4, 10) надъ «мертвой» (ср. Іер. 2, 13),—слова Божія надъ человѣческимъ суемудріемъ, проповѣдникъ обращается непосредственно къ совѣсти слушателей съ слѣдующими животрепещущими вопросами.

Можно ли утолить жажду души безсмертной чтеніемъ однихъ свѣтскихъ книгъ, или скороспѣлыхъ газетныхъ листовъ, или многостатейныхъ журналовъ, трактующихъ только о земномъ, житейскомъ и часто очень суетномъ? *Не дѣлаетъ ли вамъ душа ваша запроса на другія, высшія знанія*, не здѣшняго только, видимаго, міра, но міра высшаго, духовнаго, какъ и сама она принадлежитъ къ иному міру, въ которомъ находится истинная ея жизнь? Не жаждетъ ли она познать первоисточника нашей жизни — Бога? *Прочтите въ простотѣ сердца и вѣры св. Евангеліе*, или прежде всего *помолитесь* тайно Господу, дающему всѣмъ не лукаво мудрствующимъ разумѣніе слова Его,—

и вы тотчасъ узнаете, какой это чудный источникъ живой воды, текущій въ жизнь вѣчную» (Сл. 1902, 77).

«Словесныя твари — человѣки! обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ: *что́ значатъ эти два сло́ва: слово Творца первымъ человѣкамъ и ложное слово человѣкоубійцы—діавола имъ же?* Одно слово — правое, живое, зиждительное, а другое—льстивое, мечтательное, омрачающее. Что́ было послѣдствіемъ послушанія слову врага? Не смятенія ли всякія въ мірѣ, тревога совѣсти, невѣріе, безбожіе, безначаліе, своеволіе, зависть, крамолы, убійства, татьбы, хищенія, пьянство, сквернодѣйство и всякое насиліе? А какія *послѣдствія послушанія слову Божію? Вѣра, миръ, порядокъ общественный*, кротость, послушаніе, воздержаніе, мудрость, благость, мужество, милосердіе» (Сл. 1907, 164).

Находящійся подъ перекрестнымъ огнемъ многоразличныхъ искушеній и напастей, особенно происходящихъ отъ «исконнаго человѣкоубійцы» (Іоа. 8, 44), христіанинъ имѣетъ *непобѣдимое оружіе въ словѣ Божіемъ* (Еф. 6, 17), которымъ Спаситель поражалъ діавола въ пустынѣ (Мѳ. 4, 1—11). «Будучи упостаснымъ Словомъ Бога—Отца, Самъ Господь научаетъ насъ при искушеніяхъ такъ же бороться съ врагомъ словомъ Божіимъ, какъ самымъ сильнымъ оружіемъ, и высоко цѣнить слово Божіе, читать и слушать его, руководствоваться имъ во всей жизни нашей. Нынѣшніе христіане, такъ именуемые, совсѣмъ забросили и забыли

слово Божіе и занимаются только періодическою печатью и оттого сдѣлались плотяными, духа не имущими» (Соз. подв., 52—53). «На моихъ глазахъ», печалуется проповѣдникъ, «какъ развращаются дѣти, какъ измѣняются быстро къ худшему, дѣлаясь нравственными уродами, отталкивающими отъ себя»! (ib. 73).

Потрясенный до глубины души ужасною дѣйствительностью, этимъ разлитіемъ всевозможныхъ пороковъ и преступленій, проповѣдникъ подымается, подчасъ, на высоту пророчески-вдохновеннаго (ср. 3 Цар. 19, 10) обращенія къ Богу. «*Господи*»! восклицаетъ онъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, «*гдѣ Твое Евангеліе*, это слово о царствіи небесномъ, слово о вѣрѣ и покаяніи, слово мира, слово жизни вѣчной, слово во всякой іотѣ истинное, непреложное, неизмѣнное, спасительное, радостное и животворное для всѣхъ вѣрующихъ искренно? *Оно удалено изъ всѣхъ жилищъ* и читается ежедневно только въ Церкви; а безъ него человѣкъ ходитъ въ тьмѣ и не знаетъ, куда идетъ, «потому-что тьма ослѣпила ему глаза» (1 Іоа. 2, 11). «Слово человѣческое читается съ жадностью и величайшимъ интересомъ, а къ спасительному слову Божію пропалъ въ людяхъ всякій интересъ»!.. (Сл. 1907, 145).

Въ послѣднее время довольно часто приходится слышать не только о безполезности, но и о вредности для учащихся преподаванія имъ священныхъ книгъ ветхаго завѣта. Несо-

мнѣнно, произросшій на почвѣ невѣжества и недоразумѣнія, этотъ *ложный взглядъ на воспитательное значеніе ветхаго завѣта* довольно огорчалъ о. Іоанна, который счелъ своимъ пастырскимъ долгомъ выступить на энергическую защиту напрасно приниженныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ. По справедливымъ словамъ проповѣдника, «*ветхо-завѣтныя писанія разительнымъ образомъ доказываютъ истину православной вѣры чрезъ событіе прообразованій* и пророчествъ ветхо-завѣтныхъ въ новомъ завѣтѣ; доказываютъ вѣрность Божію Своимъ обѣтованіямъ и божественное происхожденіе писаній ветхаго и новаго завѣтовъ. Спаситель подтверждалъ неоднократно божественность предсказаній, говоря: „да сбудется“ и „совершишася“ (Мысли о Церкви III, 183).

Кромѣ того, и «*Богослуженіе* нашей Церкви состоитъ *изъ писаній ветхаго и новаго завѣтовъ* для показанія истины, спасительности, величія и божественности хр. вѣры, ибо она есть событіе всѣхъ ветхозавѣтныхъ обѣтованій, пророчествъ и прообразованій, данныхъ прародителямъ, праотцамъ и пророкамъ» (ib. 194).

«Много вѣковъ оглашаетъ св. Церковь боговдохновенными *пѣснотворніями Давида* христіанъ на всѣхъ службахъ, и сладость ихъ, *польза ихъ для душъ благочестивыхъ, неисчислима:* они руководятъ всѣхъ къ молитвѣ, преданности Богу, славословію и благодаренію Бога за все; они просвѣщаютъ, питаютъ, услаждаютъ и *укрѣпляютъ души* вѣрующія, прого-

няютъ невидимыхъ враговъ, врачуютъ душевныя страсти, научаютъ любить Бога и хранить Его заповѣди, молиться за всѣхъ и непрестанно возноситься къ Богу» (Сл. 1900, 26).

II.

Въ ясномъ и твердомъ исповѣданіи той истины, по которой *государство не можетъ быть представителемъ только однихъ матеріальныхъ интересовъ общества*, потому что, въ такомъ случаѣ, оно лишило бы само себя духовной силы и отрѣшилось бы отъ внутренняго единенія съ народомъ, православно-*русскій* пастырь, несравненный по высотѣ и силѣ своего здраваго патріотизма, о. Іоаннъ выступаетъ пламеннымъ поборникомъ той, къ несчастью, попираемой теперь у насъ истины, что государственная мощь возрастаетъ прямопропорціонально начавшемуся усиленію духовнаго представительства въ нашей Имперіи и глубокой вѣры въ зиждительное значеніе для нея православной Церкви. Да и въ самомъ дѣлѣ, не этими ли только условіями, по словамъ одного недавно почившаго государственнаго дѣятеля, «поддерживаются и укрѣпляются въ народной средѣ и въ гражданской жизни чувство законности и довѣріе къ государственной власти? Ни начало государственной цѣлости, общественнаго блага или пользы, ни, даже, нравственное начало сами по себѣ недостаточны къ утвержденію прочной связи между наро-

домъ и предержащею властью; и нравственное начало неустойчиво, непрочно, не имѣетъ глубокаго корня въ отрѣшеніи отъ религіозной санкціи. Этой центральной, собирательной силы, несомнѣнно, лишится такое государство, которое, во имя безпристрастнаго отношенія ко всѣмъ вѣрованіямъ, само отрекается отъ какого бы то ни было вѣрованія» (Побѣдоносцевъ К. П., Московск. Сборникъ, Москва, 1896, стр. 15).

Поставивъ эпиграфомъ своего слова въ день рожденія Государя Императора Николая Александровича евангельскій текстъ: «вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть» (Іоа. 1, 3), проповѣдникъ заключаетъ: «итакъ, всѣ, цари и подданные, всякій возрастъ и оба пола обязаны благобытіемъ своимъ благодѣтельному Промыслу о насъ, Ипостасному вѣчному Слову, Господу нашему Іисусу Христу. Но съ бытіемъ каждому изъ насъ указана отъ Творца нашего и великая цѣль бытія, и даны различные таланты, т. е., всякія силы естественныя и благодатныя, духовныя и тѣлесныя, къ достиженію предназначенной цѣли, и мы должны наполнять свою жизнь соотвѣтственною каждому изъ насъ доброю дѣятельностію, по роду обязанностей своихъ и званія своего. Есть у всѣхъ насъ обязанности христіанскія, семейныя и общественныя; исполненіемъ этихъ обязанностей и должна быть наполнена вся наша жизнь на землѣ. Мы живемъ на землѣ для неба».

Послѣ краткаго перечисленія христіанскихъ обязанностей по отношенію къ православной Церкви, о. Іоаннъ переходитъ къ изложенію нашихъ *обязанностей по отношенію къ Царю и Отечеству.* «Такъ какъ мы—члены великаго гражданскаго тѣла, т. е., Русскаго Государства, и вѣрноподданные Монарха Россіи, то обязаны и «Бога бояться» и «Царя чтить» (1 Петр. 2, 17), по слову апостола, или «воздавать Кесарево—Кесарю, а Божіе—Богу» (Мр. 12, 17), съ благоговѣніемъ и *безпрекословно повиноваться Царю и властямъ отъ Него поставленнымъ*, «да всѣ тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ» (1 Тим. 2, 2), въ мирѣ и безмятежіи, каждый добросовѣстно исполняя свои обязанности. А какъ Государство состоитъ изъ множества семействъ, и семья есть какъ бы малая ячейка въ государственномъ ульѣ, отъ блага которой болѣе или менѣе зависитъ весь государственный пчельникъ, то каждая семья и по совѣсти и по писанному закону Божію и по требованію разума и ради собственнаго блага своего должна жить, трудиться и развиваться мирно и благочестно со страхомъ Божіимъ» (Сл., Кроншт. 1903, стр. 47—49).

Въ другомъ словѣ, на тотъ же высокоторжественный день, проповѣдникъ-патріотъ поучаетъ слушателей истинѣ *происхожденія царской власти.* На основаніи словъ псалма: «царство Твое—царство всѣхъ вѣковъ, и влады-

чество Твое во всякомъ родѣ и родѣ» (Пс. 144, 13), онъ приходитъ къ заключенію, что *„только Богъ можетъ уполномочивать избраннаго человѣка на царство* и вручать ему самодержавную власть, облекая славою, величіемъ и силою. «Владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ», говоритъ пророкъ, «и кому хочетъ даетъ его» (Дан. 4, 14). Посему *цари восходятъ на престолъ, коронуются, мѵропомазываются и царствуютъ на землѣ по божественному праву.* Такъ было въ ветхомъ завѣтѣ, до пришествія Христа, вѣчнаго Царя, такъ и въ новомъ, по пришествіи Его на землю, при житіи и ученіи Его на землѣ; и Онъ Самъ, Царь неба и земли и всякой твари, повиновался по человѣчеству царской власти, и повелѣвалъ воздавать ей должное почтеніе и повиновеніе» (Мѳ. 22, 21). (Новыя слова, Кронштт. 1905, 95).

Апостольскимъ увѣщаніемъ: «будьте покорны всякому человѣческому начальству Господа ради: Царю, какъ предержащей власти, правителямъ, какъ отъ Него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія добродѣющихъ» (1 Петр. 2, 13. 14), по мнѣнію о. Іоанна, осуждается «многоначальственное и многочленное правленіе народное», которое «никогда не было постояннымъ и общепризнаннымъ правленіемъ въ мірѣ». Иное дѣло— монархія. *„Царь (земной) есть образъ Царя небеснаго:* Богъ единъ и Царь единъ. И напрасно враги самодержавія усиливаютея подкопать

царскій его престолъ. Самъ Господь утверждаетъ его силою Своею (Пс. 20, lb. 95—96).

Твердое и дышащее горячимъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ слово кронштадтскаго, или, вѣрнѣе, *всероссійскаго* пастыря свидѣтельствуетъ *о необыкновенно-великомъ значеніи слова Божія для воспитанія въ православныхъ подданныхъ чувства благоговѣнія предъ Царскимъ Самодержавіемъ*. Приниженное теперь и забитое, несознанное и неуясненное, оно пока еще нуждается въ заботливомъ за собою уходѣ, въ самой тщательной культурѣ, особенно, въ періодъ несущихся къ намъ съ запада всякихъ утопій и лжеученій. И, можетъ быть, уже не далеко то время, когда, пресыщенные до тошноты отрицательными доктринами, русскіе люди перейдутъ къ *положительному* творчеству и, наконецъ, по достоинству оцѣнятъ только у нихъ—изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ—сохранившееся самодержавіе. «Какъ умно»,—замѣчаетъ въ одномъ своемъ трактатѣ («О лиризмѣ нашихъ поэтовъ») Гоголь, — «опредѣлялъ Пушкинъ значеніе полномощнаго Монарха!» «Зачѣмъ нужно», говорилъ онъ, «чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и, даже, выше самого закона? Затѣмъ, что *законъ—дерево;* въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона далеко не уйдешь. Нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощ-

ной власти. *Государство безъ полномощнаго Монарха — автоматъ*, тоже, что оркестръ безъ капельмейстера, уже одинъ взглядъ котораго достаточенъ на то, чтобы умягчить какой-нибудь шершавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ — барабанъ или неуклюжій тулумбасъ» (Гоголь Н. В., Сочинен., изд. 14-е А. Маркса, Спб., 1898, т. V, стр. 46—47).

Оставляя въ сторонѣ другихъ свидѣтелей, замѣтимъ пока одно: россійское Самодержавіе высоко цѣнилъ великій учитель и священникъ Русской Земли, одно изъ лучшихъ украшеній ея Церкви и Царства, ея печальникъ и нравственно - возвышенный гражданинъ— вѣрноподданный. А это, вѣдь, — не маловажное обстоятельство. Въ своей свѣтлой личности нашъ досточтимый пастырь явилъ *образецъ истиннаго, на словѣ Божіемъ, воспитаннаго патріота!*

Чуткій къ различнымъ запросамъ бурной современности, о. Іоаннъ касается въ проповѣдяхъ такъ же и *стремленія женщинъ къ равноправію съ мужчинами*. Проповѣдникъ смотритъ на это все болѣе и болѣе усиливающееся стремленіе довольно отрицательно. Но ошиблись бы тѣ, — считающіеся у насъ «передовыми», дѣятели, — которые упрекнули бы проповѣдника въ отсталости отъ «нашего просвѣщеннаго вѣка». Вопросъ о женскомъ равноправіи напрасно рѣшаютъ въ смыслѣ предоставленія прекрасной половинѣ идти по проторенным мужчинами тропамъ. Не повторять

или копировать мужчинъ должны „равноправныя“ женщины, а свободно развить и приложить свойственные ихъ полу таланты къ дѣламъ *особой* области. «Не взирая на сдѣланныя въ пользу женскаго равноправія концессіи, все-таки, мужчины и женщины не одно и тоже», замѣчаетъ одинъ изъ выдающихся моралистовъ нашего времени. «Уже тѣлесный организмъ ихъ указываетъ на телеологическое различіе, игнорировать которое было бы верхомъ безразсудства» (Bruce W. S., Social Aspects of christian Morality. London, 1905, p. 62, 63).

Твердо держась библейской почвы, о. Іоаннъ въ словѣ на день рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны останавливается на евангельскомъ текстѣ: «Марія же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея» (Лк. 10, 42), и потомъ спрашиваетъ: «какой урокъ лицамъ женскаго пола преподаетъ Господь въ этомъ Евангеліи?» Нельзя не замѣтить, что *современный намъ женскій полъ, особенно такъ называемый интеллигентный, «печется и молвитъ о многомъ», о чемъ не должно*, и оставилъ то, что «едино на потребу», оставилъ свое прямое женское назначеніе и взялся за разсужденіе и дѣло, ему не принадлежащее. Мѣсто и *назначеніе дѣвицы или женщины* указано и Богомъ и природою *въ семьѣ, въ домашнемъ обиходѣ*; въ пособіи матери въ домашнемъ хозяйствѣ и въ хр. воспитаніи себя и семьи; для того она рождена, для того даны ей способности, для того дано ей доброе, мягкое,

сочувственное сердце, особенно способное къ воспріятію вѣры и благочестія» (Сл. 1903, 118—119).

Не въ одномъ великомъ, но и въ маломъ, короче, *во всей человѣческой жизни*, съ тысячью входовъ и выходовъ, слово Божіе, по мысли о. Іоанна, служитъ тѣмъ, чѣмъ было оно для псалмопѣвца: «свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ» (Пс. 118, 105). «Всталъ съ постели,—перекрестись и скажи: „сподоби, Господи, въ день сей безъ грѣха сохранитися намъ“ (изъ утренн. словословія); моешься — говори: „омыеши мя, и паче снѣга убѣлюся“ (Пс. 50, 9); надѣваешь бѣлье, — думай о чистотѣ сердца и проси у Господа чистаго сердца: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже“; обнову сшилъ и надѣваешь ее, думай объ обновленіи духа и говори: „духъ правъ обнови во утробѣ моей“ (Пс. 50, 12); идешь ли куда, думай о правости духовнаго хожденія предъ лицемъ Божіимъ и говори: „стопы моя направи по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе“ (Пс. 118, 133)... Подлинно, „благочестіе на все полезно“» (1 Тим. 4, 8).

III.

«Безрукій», замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія «О герояхъ» Карлейль, «можетъ ходить, пока еще у него остаются ноги; но безъ нравственности его разсудокъ безпомощенъ; а совершенно имморальный совсѣмъ уже не въ состояніи ничего знать. *Прежде, нежели узнать какой-либо предметъ, для этого требуется полюбить его* и ему симпатизировать, т. е., находиться къ нему въ *реальномъ* отношеніи» (Carlyle Thomas, On Heroes, Hero-worship and the Heroic in History, London, 1904, p. 99). Вся жизнь о. Іоанна представляетъ собою непрерывный подвигъ *дѣятельной любви* — высшей «богословской» добродѣтели (1 Кор. 13, 13), а это обстоятельство чрезвычайно важно въ дѣлѣ постиженія христіанской истины.

Олицетворяемая въ живомъ Богѣ-Спасителѣ (Іоа. 14, 6), эта истина сама, прежде всего, возлюбила насъ отъ созданія міра (I Іоа. 4, 4. 19). Но мы-то, въ ограниченности своей грѣховной природы, далеко не всегда на эту любовь отвѣчаемъ любовью. Очень многіе почти совсѣмъ не воспріимчивы къ истинѣ, а напередъ должны еще сдѣлаться таковыми, чтобы и

послѣдняя, въ свою очередь, явилась предъ ними въ своей безподобной красотѣ. А тотъ, духовное око котораго еще не просвѣтлѣло до созерцанія христіанской истины, не можетъ ни путемъ научныхъ доводовъ, ни какимъ-либо инымъ способомъ постигнуть ее; тѣмъ болѣе такой не въ состояніи, хотя бы и хотѣлъ того, формировать научное основаніе истины или опытнаго съ ней ознакомленія: «ученость глупыхъ—глупость» (Прит. 16, 22). Другими словами: твердое христіанское убѣжденіе возможно только подъ условіемъ предшествующаго ему религіознаго *опыта*. Одинъ изъ замѣчательныхъ древнихъ подвижниковъ эту же мысль выразилъ слѣдующимъ афоризмомъ: «слова божественнаго писанія *читай дѣлами*» (св. Маркъ † въ 5 в., знавшій наизусть ветхій и новый завѣтъ. См. *Добротолюбіе* въ рус. пер. Спб., 1877, т. I, стр. 407. 463).

Самъ прошедшій сквозь горнило различныхъ испытаній, пастырь съ богатымъ духовнымъ опытомъ, читавшій писаніе «дѣлами», съ великимъ огорченіемъ не замѣчалъ этого въ другихъ. «Отчего же», спрашиваетъ онъ, «отчего *нынѣшніе интеллигенты пренебрегаютъ единственною книгою вѣчной Премудрости Божіей*, простою и доступною для всѣхъ? *Отъ гордости*, суемудрія, невѣрія, отъ превратнаго ума и нечистаго сердца и отъ дурно направленной, плотской воли. Чего человѣкъ плотяный сильно ищетъ, то и находитъ: земный—земное. Живая вода преподается только Жизно-

давцемъ-Христомъ, а *Онъ далъ ее для обильнаго раздаянія Своей Церкви*, чтобы всѣ приходили къ ней и почерпали эту живую воду, читая или слушая и *понимая по ея божественному разуму Слово Божіе*» (Сл. 1902, 79).

Въ другомъ мѣстѣ проповѣдникъ указываетъ на *причину оскудѣнія любви* въ современномъ обществѣ. «Истинную *любовь къ Богу*» говоритъ онъ, «*теперь трудно найти въ людяхъ отъ того, что люди избираютъ себѣ учителемъ любви не евангеліе, не Церковь Божію, а людей* подобныхъ себѣ, о коихъ говоритъ апостолъ: «будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху» (2 Тим. 4, 3. Сл. 1902, 52).

По причинѣ тѣсной связи между здравымъ ученіемъ и христіанскою жизнью и указаннаго Самимъ Спасителемъ генетическаго примата послѣдней надъ первымъ (Іоа. 7, 17: «кто хочетъ *творить волю* Его, тотъ *узнаетъ* о семъ ученіи, отъ Бога ли оно»), не всякому безразлично дается истинное разумѣніе слова Божія. «*Правильно богословствовать о Богѣ можетъ не всякій человѣкъ, а только истинный христіанинъ, очистившій себя отъ всякія скверны плоти и духа*, и на основаніи богооткровеннаго евангелія. Въ противномъ случаѣ, т. е., если бы кто изъ мірянъ, не имѣющій смиренія и мнящій много о своемъ умѣ и учености, дерзнулъ мудрствовать и писать о Богѣ не на

точномъ основаніи евангелія, а по своему измышленію, — какъ нашъ русскій богоотступникъ и богохульникъ графъ Л. Толстой съ своими единомышленниками, — то онъ впалъ бы въ крайнее заблужденіе и ересь, ведущую въ погибель вѣчную. *Да, мудрствовать о Богѣ можетъ только чистый сердцемъ и обучившійся только отъ истинныхъ богослововъ, каковы свв. апостолы и отцы и учители Церкви*» (Сл. 1902, 98—99).

Для всякаго, хотя немного знакомаго съ основными правилами православной герменевтики, очевидно, что кронштадтскій пастырь твердо стоитъ на почвѣ церковнаго преданія, по которому *священныя книги должно читать въ томъ духѣ, въ какомъ онѣ написаны*. Однимъ знаніемъ вокабулъ, синтаксиса, словоупотребленія, времени и мѣста написанія,—при всей, несомнѣнно, великой пользѣ всѣхъ этихъ свѣдѣній,—еще не дается Духа Божія. Отъ *православнаго* христіанина, при чтеніи библіи, требуется совсѣмъ противоположное тому, что нѣкоторыми свободомыслящими богословами поставляется въ качествѣ необходимаго условія истиннаго ея разумѣнія. Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду пресловутую и чисто-протестантскую свободу отъ всякаго авторитета (Voraussetzungslosigkeit), приведшую реформированныя общины къ довольнонизменному взгляду на св. писаніе. Въ интересахъ чистоты вѣры и жизни православная Церковь, наоборотъ, утверждаетъ за собой,—

и только за одною собой,—право и долгъ непогрѣшимой истолковательницы Божьяго слова, которой принадлежитъ истинная норма, или «*правило вѣры*»—ὁ κανὼν τῆς πίστεως, regula fidei (подробности словоупотребленія см. у Th. Zahn'a, Grundriss der Geschichte des neutestam. Kanons. Leipzig, 1901, s. 1—14). Примѣненіемъ названнаго «канона» къ чтенію библіи обезпечивается правильное ея пониманіе, «истинное знаніе» (ἐπιστήμη ἀληθής), котораго не могутъ достигнуть церквеотступники, вынужденные довольствоваться только одними шаткими мнѣніями (οἰήσεις, см. Clem. Alex., Strom. VII, 17). Божій Духъ, а не духъ человѣческій долженъ служить намъ правиломъ и нормой истолкованія библіи. Она—Его твореніе, и только Онъ одинъ ясно озаряетъ ея подлинный смыслъ. А безъ Его озаренія она окажется загадочнымъ іероглифомъ, о смыслѣ котораго возникнутъ безконечные споры,—книгою за семью печатями, Откровеніемъ, ничего не открывающимъ...

IV.

Въ порядкѣ мыслей досточтимаго о. Іоанна мы достигли наиболѣе «пререкаемаго» вопроса *о согласованіи авторитета церковнаго преданія съ свободой* богословскаго изслѣдованія. Въ переживаемое нами смутное время, съ его отчаянною борьбой за всякія «свободы», значительно пониженъ смыслъ, даже, и такихъ выраженій, которыя нисколько не умаляютъ, а, наоборотъ, только обезпечиваютъ свободу. Что же касается самого термина «авторитетъ» (auctoritas, отъ augeo, кор. aug умножать, увеличать, усиливать, напримѣръ, жизнеспособность, вліяніе и т. д.), то, казалось бы, слѣдовало только привѣтствовать его наличность въ церковномъ преданіи. Иное дѣло, если бы послѣднему онъ былъ совершенно чуждъ. Что за безсильное, что за безпомощное и безполезное преданіе безъ авторитета! Такъ обстоитъ предметъ въ своемъ идеальномъ предназначеніи и до неузнаваемости другимъ является онъ въ фактической дѣйствительности.

Позвольте мнѣ на время, ради великаго интереса затронутаго вопроса, уклониться немного въ сторону отъ проповѣднической ка-

ѳедры кронштадтскаго пастыря, но только затѣмъ, чтобы отвѣтить на сдѣланный ему упрекъ (я это слышалъ много разъ) въ крайнемъ обскурантизмѣ. Впрочемъ, сдѣланный ему упрекъ не относится ли и къ нашей «парализованной» Церкви? Не отстала ли она отъ просвѣщеннаго вѣка? Не заглушаетъ ли родникъ живой мысли? Не гаситъ ли богословскую мысль и просвѣщеніе? Въ самомъ дѣлѣ, авторитетъ и свобода не взаимо-исключающія ли понятія?

Прежде всего дадимъ небольшую историческую справку. Никто не станетъ отрицать того, что 4-й вѣкъ справедливо называется «золотымъ» по безпримѣрной продуктивности и свободѣ богословскаго изслѣдованія. Три знаменитыхъ вселенскихъ святителя—это великолѣпная слава всего христіанскаго міра, въ которой участвуютъ также и другія знаменитыя, хотя и нѣсколько меньшія, свѣтила богословской науки,

И вотъ, эти-то первоклассные мыслители-богословы являются ревностными защитниками церковнаго преданія противъ всѣхъ, посягавшихъ на его авторитетъ еретиковъ и церкве-отступниковъ! Подчиненіе послѣднему служило свв. отцамъ неизмѣннымъ руководствомъ въ ихъ богословскихъ изслѣдованіяхъ и построеніяхъ, доселѣ еще поражающихъ насъ необыкновенною плодовитостью и свѣжестью мыслей, а такъ же и удивительною свободой богословскаго созерцанія. Если бы преданіе

служило для послѣдняго желѣзными путами, то едва ли, даже, и «великіе» отцы были бы въ состояніи такъ высоко «возлетать по области заочны».

Подобно магнитной стрѣлкѣ или ночнымъ звѣздамъ, указывающимъ правильный курсъ плывущимъ по капризной морской стихіи, *церковное преданіе освѣщало вѣрный путь церковному кораблю*,—и плылъ онъ, подъ руководствомъ богопоставленныхъ кормчихъ, по житейскому морю, какъ плыветъ и теперь, пока не достигнетъ тихой пристани въ блаженной вѣчности. Ни компасъ, ни звѣзды не стѣсняютъ «свободы» мореплаванія, а только нормируютъ ее. Подобно этому и церковное преданіе служитъ только условіемъ правильнаго движенія христіанской жизни и мысли.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ разумѣть извѣстное изреченіе ап. Павла: «буква убиваетъ, а духъ животворитъ» (2 Кор. 3, 6),—изреченіе, слѣдующимъ образомъ перифразированное бл. Августиномъ: «искать богопознанія въ книгахъ—все равно, что искать живого среди мертвыхъ».

Замѣчательное дѣло! Эта простая и очевидная для непредубѣжденнаго ума истина почти совершенно невѣдома для многихъ «библіолатровъ». Изъ-за деревьевъ они не видятъ лѣса и ошибочно полагаютъ, что достаточно только самому—любому читателю—взять въ руки библію, какъ эта книга раскроетъ предъ нимъ все свое духовное содержаніе. Очевидно,

до нашихъ «свободныхъ мыслителей» еще не доѣхалъ въ своей колесницѣ эѳіопскій евнухъ, чтобы преподать имъ одинъ полезный урокъ (Дѣян. 8, 26—36). А еще болѣе замѣчательно то, что эта истина уже предносилась умному взору *языческаго* философа (Платона, 429—347 до Р. Х.). Въ одномъ изъ Платоновыхъ діалоговъ читаемъ слѣдующее: «Кто полагаетъ оставить въ письмени ученіе объ искусствѣ и кто принимаетъ его такъ, *какъ будто бы посредствомъ буквъ можно было придти къ чему-либо ясному и точному*, тотъ довольно наивенъ, если признаетъ за написанными рѣчами какую-либо иную цѣль помимо той, что *онѣ записаны для памяти* одному тому, который напередъ уже ознакомился съ ихъ содержаніемъ. Неудобна, Федръ, письменность въ этомъ отношеніи» («Федръ», рус. пер. проф. Карпова, IV, 108—109).

Дѣйствительно, «неудобна», добавимъ съ своей стороны. Не первому попавшему въ руки, особенно, иноземцу откроется истинный смыслъ, напримѣръ, лѣтописи Нестора, а такому русскому, который воспитанъ въ національномъ направленіи и въ духѣ православной Церкви. Не для башкиръ,—насельниковъ уфимскихъ степей,—писана и будетъ понятна «Семейная Хроника» К. Аксакова, а только и наиболѣе для принадлежащихъ къ его поколѣнію и воспитанныхъ въ родовыхъ традиціяхъ.

Нѣчто подобное происходитъ и съ пони-

маніемъ св. Писанія. Какимъ бы «самосвѣтомъ» (αὐτόφως по Герарду, см. Dorner I. A., System der Christlichen Glaubenslehre, 2-te Aufl., Berlin, 1886, I, 80) ни представлялось оно по «формальному» протестантскому принципу, въ дѣйствительности ему приходится испытывать странную судьбу въ западныхъ, «свободныхъ» отъ авторитета преданія, общинахъ. «Миѳическая», «тенденціозная» и «обманная» гипотезы (Mythen—, Tendenz—, Betrugshypothese)—таковы плоды протестантской науки, договорившейся, наконецъ, до признанія невозможности понимать слово Божіе. «Man meint, замѣчаетъ Давидъ Фр. Штраусъ, die Bibel zu verstehen, weil man gewohnt ist, sie nicht zu verstehen» (воображаютъ, что понимаютъ библію, потому что привыкли не понимать ее. Strauss D. F., Der alte und der neue Glaube. Fünfte Aufl. Bonn, 1873, s. 301). И выходитъ правъ *св. Василій Великій*, охарактеризовавшій современныхъ ему еретиковъ словами: τεχνολογοῦσιν, οὐ θεολογοῦσιν (см. у Fr. Hettinger'a, Timotheus. Briefe an einen jungen Theologen. Zweite Aufl., Fr. i. Br., 1897, s. 461). Правъ и о. Іоаннъ въ виду нашихъ, такъ же «хитрословствующихъ», только не богословствующихъ «libertins» (ср. Дѣян. 6, 9). Онъ правъ и вмѣстѣ великъ тѣмъ, что глубоко постигалъ и превосходно разъяснялъ смыслъ св. писанія въ духѣ преданія и *благодаря преданію* православной Церкви.

Вполнѣ естественно было воспитанному

въ такомъ преданіи отнестись съ горькими укоризнами къ извращавшимъ слово Божіе, изъ которыхъ первый—графъ Л. Толстой. И, дѣйствительно, по словамъ кронштадтскаго пастыря, графъ «договорился до того, что свв. книги ветхаго и новаго Завѣта называетъ самыми вредными книгами въ христіанскомъ мірѣ,—*„ужасною книгою“*. При этомъ невольно восклицаемъ: *О, какъ ты самъ ужасенъ, Л. Толстой*, порожденіе ехидны, отверзшій уста свои на хуленіе богодухновеннаго писанія ветхаго и новаго Завѣта, составляющаго святыню и неоцѣненное сокровище всего христіанскаго міра»! (Отв. пастыря.... 1903, 142).

«Графъ Л. Толстой посягнулъ на истину Евангелія и всего св. писанія, и исказилъ смыслъ Евангелія, непререкаемо важный и драгоцѣнный для людей всѣхъ вѣковъ. Отвергся вѣры во Христа, какъ сына Божія, Искупителя и Спасителя міра, совратилъ многихъ вслѣдъ за собою и погубилъ ихъ, отвергся Церкви, основанной Христомъ, попралъ благодать крещенія, мѵропомазанія, покаянія, причащенія и всѣхъ таинствъ; себя по высокоумію считаетъ судіею слова Божія и высшимъ критеріемъ его, а не себя имъ повѣряетъ» (Мысли о церкви, стр. 59). «Для интеллигента — толстовца нѣтъ слова Божія, по которому онъ долженъ жить, которое учитъ воздавать „Божіе—Богу, а Кесарево—Кесарю“ (Мѳ. 22, 21): Онъ не признаетъ его и потому живетъ по влеченію своихъ страстей, или

по примѣру другихъ себѣ подобныхъ» (Сл. 1904, 85).

«Мгла грѣховная закрыла глаза многимъ, и они не хотятъ видѣть Сына Божія. Выходитъ что́-то нелѣпое и непонятное: *мы отовсюду озарены полнымъ дневнымъ свѣтомъ—разумѣю Церковь и писанія свв. апостоловъ и свв. отцевъ,—между тѣмъ многіе не видятъ свѣта*, ходятъ во тьмѣ, и желаютъ быть лучше во тьмѣ, а не во свѣтѣ. Разумѣю здѣсь какъ безбожниковъ и сектантовъ нашихъ, такъ и предающихся пьянству, разврату или играмъ и всякой суетѣ» (Сл. 1903, 99—100).

„*Сколько принесли вреда ученія Дарвина и Толстого*, не говоря уже о многихъ другихъ! *Отсюда урокъ всѣмъ—никогда не пренебрегать живымъ съменемъ и источникомъ слова Божія*, питающимъ, напояющимъ и укрѣпляющимъ души человѣческія и сообщающимъ человѣку истинную жизнерадость, и свѣтъ, и спасеніе, и оружіе для побѣды надъ всѣми страстями, и обильный источникъ утѣшенія во всѣхъ скорбяхъ, печаляхъ и невзгодахъ житейскихъ» (Сл., 1897, 34).

Такъ, одно и то же слово Божіе для понимающихъ его по разуму Церкви служитъ къ достиженію положительныхъ, а для отвергающихъ послѣдній — *отрицательныхъ цѣлей воспитанія*. Подлинно, предсказаніе старца Симеона (вспомните сегодняшнее евангеліе) относится и къ Богомладенцу, и къ Его благовѣстію: «се, лежитъ Сей на паденіе и на

востаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе пререкаемо» (Лк. 2, 34). Чѣмъ совершеннѣе какое-либо орудіе, тѣмъ болѣе пагубно злоупотребленіе имъ. Вотъ почему и превратное толкованіе библіи повело нашихъ церквеотступниковъ къ ужаснымъ заблужденіямъ. Corruptio optimi pessima! Живоносное слово обратилось у нихъ въ «смертельный ядъ» Ignat., Ad Trall 6: θανάσιμον φάρμακον).

V.

Въ своихъ сужденіяхъ о. Л. Толстомъ кронштадтскій проповѣдникъ до буквальности близокъ къ преосвященному *Θеофану*-Затворнику († 6 января 1894 г.), по словамъ котораго, графъ Толстой — «врагъ Божій, сынъ діавола», распространяющій «суемудрыя бредни» («Письма въ Бозѣ почившаго еписк. Θеофана». Тамбовъ, 1897, стр. 114), «близкій къ помѣшательству» (ib. 115), «слишкомъ лукавый» и «научаемый такому лукавству бѣсами» (—117). «Въ его писаніяхъ—хула на Бога, на Христа—Господа, на св. Церковь и ея таинства. Онъ—разрушитель царства истины. Этотъ бѣсовъ сынъ (!) дерзнулъ написать новое евангеліе, которое есть искаженіе Евангелія истиннаго. И за это онъ есть проклятый апостольскимъ проклятіемъ» (—208).

Если бы «при устѣхъ» этихъ «двою свидѣтелей» не «сталъ всякъ глаголъ» (Мѳ. 18, 16), и кому-либо вздумалось упрекнуть, въ лицѣ о. Іоанна, *русскихъ* богослововъ въ пристрастіи къ графу Толстому и въ несправедливо-строгомъ отношеніи къ его ученію,

то слѣдуетъ замѣтить, что, всемірно извѣстный въ качествѣ первокласснаго романиста, какъ богословъ, Л. Толстой не стяжалъ себѣ побѣдныхъ лавровъ со стороны также и западно-европейскихъ и американскихъ теологовъ. Послѣдніе считаютъ мудрованія графа «тяжкимъ и опаснымъ недоразумѣніемъ» (A. Harnack, Das Wesen des Christentums. Zw. Aufl. Leipz. 1900, S. 71: «ein plumpes und gefährliches Missverständnis»), его софистическую экзегетику, съ цѣлью обратить нагорную проповѣдь въ своего рода декалогъ, — совершенно несправедливою» (L. Ragaz, Du sollst. Fr. i. Br., 1904, S. 120: «ganz mit Unrecht»), и, вообще, «извращеніемъ Христовой воли» (D. Forrest, The Authority of Christ. Sec. Ed. Edinburgh, 1906, p. 3... «or is he misrepresenting Christ's will?»).

Если, даже, просвѣщенные члены протестантскихъ общинъ упрекаютъ графа Толстого въ извращеніи евангельскаго ученія, то, кажется, можно послѣ этого понять и оцѣнить пламенную ревность православнаго пастыря, подобную той, о которой читаемъ въ псалмахъ: «яко ревность дому Твоего снѣде Мя, и поношенія поносящихъ Ти нападоша на Мя» (Пс. 68, 10); «согрѣяся сердце мое во мнѣ, и въ поученіи моемъ разгорится огнь» (Пс. 38, 4). «И подумалъ я: не буду напоминать о Немъ. Но было въ сердцѣ моемъ, какъ бы горящій огонь, заключенный въ костяхъ моихъ, и я истомился, удерживая его, и—не могъ». (Іер.

20, 9). «Вѣрный до смерти» (Апок. 2. 10) «стражъ дома Израилева» (Іез. 33, 7)—врученныхъ ему овецъ Христова стада, дѣйствительно, «истомился», удерживая горящую въ себѣ ревность и—не могъ, особенно, въ виду нѣкоторыхъ, «теплохладныхъ» своихъ современниковъ (Апок. 3, 15), смутному сознанію которыхъ вѣротерпимость предносится въ видѣ религіознаго безразличія, а церковный миръ—въ формѣ соннаго квіэтизма. Подлинно, «не познаша, ниже уразумѣша» (Пс. 81, 5)...

Теперь утомленный труженикъ «почилъ отъ своихъ» пастырскихъ «трудовъ». Какъ зрѣлая пшеница вошелъ онъ въ гробъ свой (Іов. 5, 26). Но, по обѣтованію Спасителя, «если падшее на землю пшеничное зерно не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то *многъ плодъ принесетъ*» (Іоа. 12, 24),—«гдѣ сто кратъ, гдѣ шестьдесятъ, тдѣ тридцать» (Мѳ. 13, 23).

Изстрадавшаяся и духовно обнищавшая наша страна сильно нуждается въ благодатномъ плодоношеніи. Довольно, пора перестать намъ, ушедшимъ «во страну далече», питаться нездоровыми «рожцами» (Лк. 15, 13. 16). Величайшая важность переживаемаго момента обязываетъ насъ запастись твердою рѣшимостью и сказать себѣ: «воставъ, идемъ»! (—18)—идемъ подъ благодатную сѣнь православной Церкви и будемъ подобны тѣмъ, о которыхъ сказано: «упіются отъ тука дому Твоего, и потокомъ сладости Твоея напоиши я» (Пс. 35, 9)! Будемъ молиться и вѣрить, что,

предстательствомъ высокочтимаго пастыря о. Іоанна, «слово» Божіе «поставится» всѣмъ намъ,—какъ малымъ, такъ и взрослымъ,—«въ страхъ» (Пс. 118, 38) и въ спасительное руководство на многоразличныхъ путяхъ нашей жизни.